

То, что люди из семьи Цинь его разыскивали, для Дуань Цунчжи неожиданностью не стало. Пока Цинь Кэ отсутствовал, можно было скрываться месяцами, но стоило тому вернуться — и его обнаружение превратилось в вопрос времени. Да и прятался Сяо Дуань, честно говоря, без особого усердия.

Скорее всего, они сели на хвост Чэнь Саньбао, о чём сам А-Бао даже не догадывался.

Да и не только он: любой из его старых приятелей или шисюнов из школы боевых искусств Тунъюань, реши они навестить его, невольно привели бы за собой ищеек Циней.

Но вот чего он точно не ожидал, так это того, что за ним явится лично Цинь Кэ.

Если вспомнить, что даже госпоже Цинь для возвращения в собственное поместье требовался целый церемониал с предварительным докладом, личный визит Третьего господина, решившего самолично зажать беглеца в угол, казался жестом на удивление... будничным.

Дуань Цунчжи стал первым в мире человеком, которого Цинь Кэ лично караулил у порога. Сопровождавшие босса телохранители прекрасно знали, что Третий господин в последние недели пребывал в скверном расположении духа, однако главный виновник этой бури не выказал и тени страха. Напротив, он с самым невозмутимым видом предложил гостю войти и выпить чаю.

Цунчжи распахнул металлическую дверь, впуская гостя внутрь. Следовавший по пятам капитан телохранителей попытался шмыгнуть следом, но тяжелая створка из темного дерева едва не прилетела ему прямо в лоб. Капитан Чжан вовремя отпрянул на полшага, уклоняясь от удара, и в последний момент успел перехватить рукой закрывавшуюся дверь.

— Извини, брат Чжан, — Дуань Цунчжи высунулся из-за приоткрытой двери, озорно улыбаясь и придерживая край створки пальцами. — Квартирка тесновата.

Капитан Чжан лишь безмолвно сжал челюсти.

Старая хрущевка и впрямь не отличалась простором, а из-за низких подвесных потолков давила не только по бокам, но и сверху. Пока Дуань Цунчжи жил здесь один, это не так бросалось в глаза, но с появлением Цинь Кэ в комнате мгновенно стало нечем дышать — настолько плотной, осязаемой сделалась атмосфера.

На журнальном столике сиротливо потела банка ледяного пива, оставленная Чэнь Саньбао, а на подушках дивана еще не разгладились глубокие складки. Цинь Кэ скользнул по ним мимолетным взглядом и молча опустил в стоявшее в стороне одиночное кресло.

Цунчжи нарочито медленно побрел на кухню за водой, лихорадочно соображая, как половчее отказать гостю. Оправдания придумывать не имело смысла: Цинь Кэ никогда не интересовали

причины и мотивы. Этот человек признавал только сухие результаты.

— Возвращайся, — ожидаемо произнес Цинь Кэ.

Тон, не терпящий возражений, но для них двоих это означало одно: прошлое забыто, обиды прощены.

Согласись Дуань Цунчжи сейчас — и побег спишут на нелепую шалость. Он вернется в поместье на правах любимого воспитанника, вернет себе статус молодого господина и снова займет место человека, ближе всех стоящего к Третьему господину.

Только вот возвращаться Дуань Цунчжи больше не хотел. Какая в этом корысть? Физически быть ближе всех, но так и не суметь достучаться до его ледяного сердца? Какой толк от этой иллюзии близости?

Вернуться, чтобы снова пройти через тот же кошмар, бесславно погибнуть и превратиться в запыленный портрет на полке его кабинета? Сделаться безжизненным «дорогим покойником», чья единственная роль в будущем — послужить сентиментальным толчком для завязки романа Цинь Кэ с его новой пассией?

В его берлоге не нашлось даже захудалой заварки. Цунчжи наполнил граненый стакан простой кипяченой водой и аккуратно пододвинул его к гостю.

— Вы ведь сами тогда сказали, что Поместье Цинь — это не то, чего я на самом деле хочу, — тихо заговорил Дуань Цунчжи, прямо глядя на мужчину. — И вы правы. Я хочу сам решать свою судьбу и искать то, что мне действительно дорого.

Закончив речь, он замер, вглядываясь в лицо Цинь Кэ в ожидании хоть какой-то реакции. В этом порыве сквозила чистой воды детская обида и ребячество. Разум настойчиво вопил, что от этого мужчины нужно держаться на расстоянии пушечного выстрела, но глубоко в подсознании ядовито нашептывал капризный внутренний голос: «Ты просто набиваешь себе цену, играешь в кошки-мышки».

Он и сам толком не понимал, чего жаждет больше — чтобы Цинь Кэ равнодушно отпустил его или же, переступив через гордость, властно потребовал остаться.

Цинь Кэ молча изучал юношу тяжелым, цепким взором. За эти неполные три недели тот разительно переменился. Если попытаться отмотать время назад, становилось очевидно: эти метаморфозы начались ровно в день его двадцатилетия.

Раньше Дуань Цунчжи отличался буйным, диким нравом, но в присутствии Цинь Кэ неизменно превращался в ласкового, послушного котенка. Даже в ту злополучную ночь, когда он, в стельку пьяный и пропитанный запахом спиртного, явился к нему в спальню, он лишь мягко,

преданно ластился и тихо шептал: «Третий господин...»

В его глазах тогда светилось такое безграничное обожание, что казалось, мальчишка без колебаний принесет себя в жертву на алтарь этой безответной любви.

А теперь этот же самый мальчик заявляет в лицо, что жизнь под крылом Циней и близость к нему самому — вовсе не предел его мечтаний.

Похоже, после той ночи от прежней покорности не осталось и следа — осталась лишь чистая, дикая строптивость.

Цинь Кэ искренне полагал, что хладнокровно примет любое решение воспитанника. Однако прямо сейчас внутри него поднималась глухая волна раздражения и недовольства. Правда заключалась в том, что он никогда, даже в мыслях, не допускал возможности, что Дуань Цунчжи может уйти насовсем.

Но Третий господин не отличался красноречием. Ждать от него уговоров или душевных излияний было глупо — куда реалистичнее выглядел бы приказ связать мальчишку и бросить в багажник. И раз уж Дуань Цунчжи упрямо мотал головой, Цинь Кэ не стал унижаться до принуждения.

Его визит оказался стремительным и сухим. Цинь Кэ поднялся так же резко, как и вошел. стакан воды на журнальном столике так и остался нетронутым. Проводив гостя за дверь, Дуань Цунчжи вернулся, задумчиво взял стакан и осушил его в несколько глотков.

Встреча с Цинь Кэ растревожила старые раны. Ночью Дуань Цунчжи вновь унесло в зыбкий омут сновидений, возвращавших его в прошлую жизнь.

Ослепительный блеск роскошного банкетного зала. Цинь Кэ властным движением притягивает его к себе, заставляя упереться ладонями в широкую грудь. Цунчжи послушно вскидывает голову, чувствуя, как тяжелая, горячая ладонь ложится на его затылок. Этот жест, безусловно собственнический и жесткий, почему-то дарит иллюзию покоя и защиты.

Страх улетучивается, сопротивление ломается. Он затихает, доверчиво припадая к его плечу.

Цинь Кэ роняет короткую фразу собеседнику, стоявшему напротив. Тот же безупречный итальянский язык, что и наяву, но во сне смысл слов внезапно обретает кристальную ясность.

«Он принадлежит мне», — небрежно бросает Цинь Кэ.

Дуань Цунчжи резко распахнул глаза в темноту спальни. Сердце колотилось в ребра как сумасшедшее, а в ушах набатом гудел низкий, бархатистый голос, повторявший одну и ту же фразу: «Он принадлежит мне».

Юноша судорожно выдохнул, мысленно поблагодарив судьбу за вчерашнее ледяное молчание Цинь Кэ. Прояви Третий господин наяву хотя бы половину той напористости, что явилась во сне, оборона Дуань Цунчжи рухнула бы в ту же секунду, и он, безвольный, послушно ушел бы за ним следом.

Промучившись в кошмарах до рассвета, Цунчжи проспал дольше обычного. Выйдя за порог, он с удивлением обнаружил, что площадка перед дверью непривычно пуста — ни пакетов с мусором, ни грязи, весь коридор вычищен до блеска.

За те полмесяца, что он обретался в этой дыре, вредная соседка из квартиры напротив с завидным постоянством выставляла пакеты с бытовыми отходами прямо на лестничную клетку. Что стряслось сегодня? Неужели уехала на дачу?

Пока он недоуменно озирался, на площадке появилась та самая соседка с увесистым пакетом в руках, из которого соблазнительно пахло свежей выпечкой. Заметив Цунчжи, женщина испуганно замерла, попятилась, а затем торопливо выудила из пакета отдельный сверток и протянула ему.

Неужели солнце сегодня взошло на западе?

С тех пор как эта почтенная матрона прознала про его ранние пробежки, она только и делала, что нагло нагружала парня поручениями купить ей баоцзы по пути. С чего вдруг такая щедрость?

Цунчжи попытался вежливо отказаться, но женщина буквально всучила ему горячий сверток.

— Сяо Дуань, ты уж прости, коли я раньше тебя чем обидела! Не держи зла на глупую соседку, ладно?

Дверь перед его носом захлопнулась со скоростью выстрела. До Цунчжи только сейчас дошло: вчерашний визит представительного господина в окружении хмурых амбалов до смерти перепугал бедную женщину.

Провозившись у порога, Дуань Цунчжи вышел на улицу лишь около восьми утра. За годы сытой и изнеженной жизни под крылом Циней он напрочь отвык от прелестей общественного транспорта.

Два заказа в приложении такси сорвались один за другим — водители без объяснений отменяли поездки. Лишь третий дозвонившийся таксист честно признался: «Слушай, парень, к твоей халупе хрен подъедешь, дворы забиты. Давай ты пешочком дотопаешь до перекрестка, перейдешь дорогу, а я там у обочины тебя подберу?»

К воротам Киногорода Дуань Цунчжи добрался лишь к девяти часам утра. У массивной

стилизованной арки его уже нетерпеливо поджидал Чэнь Саньбао, лениво перебирая поводья великолепного жеребца.

Фильм, на кастинг которого они спешили, снимался в жанре уся. Желая обеспечить своему обожаемому Дуань-гэ максимально эффектное появление перед режиссером, А-Бао не поленился притащить из семейной конюшни самого породистого и статного скакуна.

Какие бы ребяческие мотивы ни двигали приятелем, сейчас этот конь пришелся как нельзя кстати — стрелки часов неумолимо приближались к дедлайну.

На территории Киногорода верховая езда не запрещалась. Цунчжи легко взлетел в седло и, пустив коня шагом, обернулся:

— Куда ехать?

— К Воротам Сюаньдэ! — крикнул вдогонку Чэнь Саньбао. Опасаясь, что Дуань Цунчжи за время сытой жизни вдали от ремесла подзабыл топографию съемочных площадок, он поспешно добавил: — Это в зоне императорского дворца династии Сун. Дуй прямо по Императорской улице!

Огромная территория Киногорода была разбита на секторы, воссоздающие архитектуру разных эпох китайской истории. Жемчужиной комплекса являлись императорские резиденции, выстроенные в масштабе один к одному. Под «дворцовой зоной» киношники подразумевали сунский дворец, а Ворота Сюаньдэ служили его парадным входом.

Не оборачиваясь, Цунчжи лениво взмахнул рукой, давая понять, что ориентиры принял.

В этот самый момент популярный молодой актер Нин Хаосюань участвовал в съемках рейтингового реалити-шоу «Жизнь в роли». Этот проект гремел по всей стране: продюсеры сталкивали на одной площадке капризных айдолов и маститых ветеранов сцены, заставляя их примерять самые неожиданные амплуа, а локации для съемок менялись от выпуска к выпуску.

От участников требовалось не просто вжиться в каверзный образ, навязанный сценаристами, но и выполнить цепочку сложных квестов.

На сей раз Нину досталась роль тщедушного, неприспособленного к жизни книжного червя. Облачившись в длинный халат и высокую шапку ученого мужа, он должен был в таком виде за ограниченное время добраться до Императорской улицы.

Несмотря на приличный съемочный опыт, в этом конкретном Киногороде актер оказался впервые. Карту он благополучно перепутал, свернул не туда и, сделав огромный холостой круг,

вновь очутился у самых ворот. Понимая, что таймер неумолимо отсчитывает последние минуты, парень в полном отчаянии плюхнулся прямо на пыльную землю, мысленно смирившись с провалом.

Но стоило ему тоскливо вздохнуть, как со стороны главных ворот, залитая яркими лучами утреннего солнца, показалась благородная фигура всадника. Глаза Нин Хаосюаня лихорадочно блеснули. Ну конечно! Правила шоу строго-настрого запрещали пользоваться современным транспортом, но ведь про старинный никто и словом не обмолвился!

Вскочив на ноги, он отчаянно замахал руками и заорал на всю площадь:

— О благородный муж, постой!

«Благородный муж» на удивление легко внял призыву и натянул поводья. Конь, плавно затормозив, вздыбился на мгновение, вскинув передние копыта, а затем мягко опустился и сделал несколько шагов на месте. Нин Хаосюань, видевший подобные трюки разве что на экранах под слоем спецэффектов, восхищенно разинул рот. А когда разглядел, что всадник управляет полудиким зверем без какого-либо специального снаряжения, в обычных джинсах, его восторгу не было предела. Вот это профи! Настоящий мастер!

Простая белая футболка, поношенные джинсы и кеды — наряд проще некуда, но до чего же хорош был этот парень!

Бьющее в лицо солнце заставило Дуань Цунчжи прищуриться. На его губах играла ленивая, едва заметная полуулыбка. Черты лица незнакомца были безупречно благородными, но Нин Хаосюань уловил в этом прищуре и небрежном изгибе губ опасную, притягательную дерзость.

«Чертовски хорош», — невольно подумал актер.

Оператор проекта тоже оказался тертым калачом. Едва завидев эффектного наездника, он тут же развернул объектив в его сторону, а сейчас и вовсе бесстыдно приближал зум, стараясь поймать лицо Дуань Цунчжи во всех деталях для сочного крупного плана.

Вблизи величать этого холеного красавца брутальным «богатырем» у Нин Хаосюаня язык не повернулся. Заискивающе улыбнувшись, он спросил:

— Привет! Ты куда путь держишь? Подбросишь до города?

Цунчжи мазнул равнодушным взглядом по объективу видеокамеры и хмыкнул:

— А тебе куда надо?

Есть контакт!

Нин Хаосюань просиял и быстро затараторил:

— На Императорскую улицу!

Дуань Цунчжи удивленно приподнял бровь. Надо же, какое совпадение.

Он протянул раскрытую ладонь:

— Хватайся и запрыгивай.

Нин Хаосюань ухватился за крепкие пальцы и ловко взлетел на лошадь сзади. Цунчжи собственническим жестом перехватил поводья, его руки полукольцом обхватили юношу, и, коротко свистнув, он сжал бока скакуна. Конь сорвался с места, мгновенно унося двоих всадников вдаль.

Бедный оператор с тяжелой аппаратурой на плече пробежал с десятков метров, но, разумеется, отстал и застыл посреди дороги с глупым видом. «И что, так можно было?» — читалось на его лице. Прийдя в себя, он судорожно нажал на кнопку рации и принялся докладывать режиссерской группе о ЧП на площадке.

Цунчжи не стал расспрашивать случайного попутчика о деталях его квеста. Заметив впереди скопление осветительных приборов, штативов и суесящихся людей из съемочной группы, он придержал коня, высадил притихшего актера на землю и, даже не обернувшись на прощание, пустил жеребца галопом дальше — его собственные пробы не ждали.

Тем же вечером имя Дуань Цунчжи взлетело в топ трендов социальных сетей.

Ближе к полуночи коридоры головного офиса группы Цинь опустели — почти все сотрудники разошлись по домам. Лишь секретарь Чэн Юй, отработывая свой zapредельный оклад, по-прежнему послушно делил тяготы сверхурочной работы с боссом.

Тишину нарушил резкий сигнал мессенджера — пиар-отдел прислал срочное уведомление. Ознакомившись с содержимым, секретарь нахмурился и с некоторым сомнением направился к кабинету Цинь Кэ. Ситуация была двоякой, и как на нее отреагирует патрон, предугадать было невозможно.

Семья Цинь обладала колоссальным влиянием, но сам Цинь Кэ категорически избегал публичности. О Дуань Цунчжи и говорить нечего: Третий господин оберегал покой своего воспитанника пуще, чем иные поп-звезды прячут внебрачных детей. Появление юноши под софитами и объективами камер до сих пор казалось чем-то из ряда вон выходящим.

Будь это банальные сливы папарацци, проблема решалась бы по щелчку пальцев: пиарщики зачистили бы поисковую выдачу, юристы пригрозили бы судом, а скандальные кадры испарились бы из сети за пару минут. Но здесь случай был иным. На нескольких кадрах молодой господин Дуань открыто, с вызовом смотрел прямо в объектив. Ни о какой случайной съемке скрытой камерой не могло быть и речи.

Действие происходило на съемочной площадке Киногорода. Неужели побег Сяо Дуаня из Поместья Цинь объяснялся столь банально — парень решил податься в шоу-бизнес?

Публикацию в Weibo сделала официальная группа проекта «Жизнь в роли». Ради хайпа и привлечения аудитории продюсеры выкатили в сеть нарезку коротких гифок, утаив предысторию встречи.

[Дуань Цунчжи летит галопом навстречу закатному солнцу.gif]

[Дуань Цунчжи с дерзкой улыбкой протягивает руку стоящему внизу юноше.gif]

[Дуань Цунчжи рывком затягивает Нин Хаосюаня в седло, по-хозяйски прижимая его к своей груди.gif]

[Дуань Цунчжи, развернувшись спиной к объективу, лихо взмахивает хлыстом.gif]

Время для публикации было выбрано идеальное — вечерний пик активности пользователей. К тому же в кадре засветился топовый айдол, так что хэштег моментально взлетел на вершину чартов. Комментарии множились с бешеной скоростью: половина пользователей восхищенно выпытывала имя загадочного всадника, а вторая половина вовсю смаковала романтическую искру между парнями.

К свежим лицам аудитория всегда относилась благосклонно, особенно если это лицо обладало такой яркой, хищной красотой, ни в чем не уступавшей признанному красавцу Нин Хаосюаню.

Если молодой господин Дуань действительно вознамерился штурмовать индустрию, лучшего дебюта нельзя было и пожелать.

Чэн Юй украдкой бросил взгляд на патрона. Его лицо... мягко говоря, не выражало восторга.

Чэн Юй, как человек из ближайшего окружения босса, прекрасно знал, что Третьего господина и Дуань Цунчжи не связывают близкие отношения. А значит, тяжелый взгляд босса вряд ли был вызван ревностью к досужим сплетням сетевых шипперов.

Скорее всего, дело было в банальном недовольстве тем, что мальчишка сбежал из дома ради сомнительной карьеры лицедея. Для такой консервативной и влиятельной династии, как Цинь, подобный шаг был плевым в лицо репутации, да и сам Третий господин славился своей

суровостью и приверженностью традициям. Его раздражение было вполне понятным.

Секретарь молча взвешивал варианты, пытаясь предугадать волю хозяина. По всему выходило, что тему придется заблокировать. И не просто удалить из трендов, а заставить продюсеров шоу вырезать парня из финального монтажа выпуска. Без пиара нет узнаваемости, а без нее в шоу-бизнесе ты никто.

Одному Дуань Цунчжи, решившему взбунтоваться против махины клана Цинь, ловить было абсолютно нечего. Каток семейных ресурсов раздавил бы его начинания в два счета.

Секретарь мысленно вздохнул. По-человечески ему было жаль губить такой яркий старт. С внешностью Дуань Цунчжи и его невероятной пластикой профессионального бойца он мог бы взлететь на самый олимп индустрии.

Чэн Юй приготовился записывать распоряжения, ожидая неминуемого приказа о зачистке информационного поля, но Цинь Кэ почему-то медлил.

Третий господин не отрывал взгляда от дисплея планшета, на котором раз за разом прокручивалась заикленная гифка: летящий на коне Дуань Цунчжи, бережно прижимающий к себе хрупкого юношу. В глубине его темных глаз застыло мрачное, нечитаемое выражение.

«Так вот, значит, чего ты на самом деле хотел?» — безмолвно спросил он у мерцающего экрана.

<http://bllate.org/book/18330/1765565>